

У театральных работников

Закончилась большая, пятидневная дискуссия у театральных работников. По докладу тов. Альтмана, давшего характеристику сегодняшнего состояния театрального фронта, выступил целый ряд работников театра: тт. Любимов-Ланской, Таиров, Диккий, Мейерхольд, Леонидов, Захава, Охлопков, Михоэлс, Петрова, Завадский, Пашенная, Попов, Луначарская, Амаглобели, Юзовский, Куза, Топорков, Каверин, Марков и др.

Дискуссия началась с речи режиссера Охлопкова, который, указав на ряд ошибок руководимого им театра, понял, однако, дискуссию как великое «покаяние» и в пылу этого «покаяния» готов был вообще перечеркнуть всего себя, вычеркнуть и отрицательное, и положительное, и ошибки, и то ценное, что в его работе имеется.

Для деятеля искусства важно глубокое критическое осмысление своей творческой деятельности, и не только своей, но и своих товарищей, за которых он так же должен чувствовать себя ответственным, как и за самого себя. В этом смысле очень серьезным и убедительным было выступление режиссера Попова, который, не выходя на липа и не считаясь с «именами», говорил о болезнях нашего театра. Одна из этих болезней есть болезнь «зазнайства», «самовлюбленности», «жречества», когда художник отрывается от питающего его талант источника жизни, когда он самоуверенно навязывает искусству свои художественные «идеи», не имеющие никакой опоры в жизни. Речь шла также о тех художниках, которые, некогда достигнув известных успехов, «успокоились», повторяют себя, не мысл, что время движется вперед, и вот они оказываются со своим жалким и нищенским багажом перед лицом переросшего их зрителя и читателя.

Формализм — не единственная болезнь нашего искусства. Но формализм есть порочный метод художественного мышления, когда художник подходит к жизни со стороны, а не исходит из самой жизни, оплодотворенный всеми ее чувствами и идеями. Из этого вытекают и дешевое оригинальничанье, и пошлое приспособленчество, и фальшивое кривляние, и формалистическое уродство, и бодряческая аллилуйщина, и многое другое.

Борьба с формализмом вовсе не есть пренебрежение формой и качеством, а такого рода подозрения проскальзывали в некоторых выступлениях. Коммунистическая направленность в искусстве вовсе не обозначает уравниловки в форме, наоборот, она предполагает богатейшее разнообразие выражения, богатство формы. Но это богатство может возникнуть только из усвоения художником всего богатства жизни.

Задача разворачивающейся дискуссии заключается сейчас не только в перечислении недостатков и в борьбе с этими недостатками, но и в установке положительной программы деятельности, конкретной постановке задач строительства театра, социалистического стиля в театре. Взять хотя бы такой театр, как театр им. Вахтангова. Этот театр имеет много заслуг перед советским искусством. Он завоевал себе славу превосходного театра. Однако последние годы он топчется на месте, «успокоился», что и привело к ряду порождений, а то и вовсе недоброкачественных спектаклей («Коварство и любовь», «Путинна», «Человеческая комедия», «Шляпа»). Естественно было ожидать от

театра подлинного анализа своих неудач и постановки ряда вопросов его дальнейшей творческой жизни, его стиля, метода, репертуара. Однако выступивший от имени театра тов. Захава много говорил об умершем Вахтангове и очень мало о живом театре имени Вахтангова.

Безусловно неудовлетворительным было большое выступление тов. Мейерхольда. От художника, который в период Октября был одним из первых, кто отдал свое искусство на службу революции, от режиссера, претендующего на звание передового революционного художника, можно было ожидать, что он скажет настоящие, большие слова о нынешнем положении театра и его задачах. К сожалению, этого не случилось. Мейерхольд «отмежевывался» от «мейерхольдовщины». Он не дал подлинного анализа «мейерхольдовщины», настоящей критики собственного творчества.

С обстоятельной критикой высказываний Мейерхольда выступили тт. Фурер, Антаров, Керженцев и ряд творческих работников. Справедливо было сказано, что печально, когда на могучие явления социализма в нашей стране такой художник, как Мейерхольд, отвечает спектаклем «33 обморока».

Совершенно не ведется в театре Мейерхольда работы с советскими драматургами, на что очень верно указывали выступавшие.

Мейерхольд требовал права на эксперимент, на новаторство. Никто никогда не посягал на это право. Совершенно был прав тов. Фурер, сказавший, что в стране, где появляются такие новаторы, как Стаханов, новаторство и эксперимент всячески приветствуются. Но эксперимент ради эксперимента, без стремления к идейным целям социализма сводится к бесплодному выдумыванию приемов. А такое «выдумывание» и есть формализм.

С самокритической речью выступил тов. Таиров. Однако он не захотел самокритично отнестись к одному из последних своих спектаклей — к «Египетским почтам».

Дискуссия театральных работников прошла очень оживленно. Переполненный зал театра Сатиры не мог вместить всех желающих попасть на дискуссию. Список ораторов к концу пятого дня вырос настолько, что многие желавшие выступить не смогли уже получить слова. В президиум, к докладчику, к отдельным ораторам поступали записки и целые письма, высказывания, отклики на дискуссию. Вместе с тем каждый новый день дискуссии давал все более веские, серьезные и прозранные выступления. Все это свидетельствует о том, что по сути дела дискуссия только началась. Ее следует подхватить театральной печатью, клубу мастеров искусства и театральным коллективам и вести по правильному пути.

В заключение следует сказать о драматургах. Их отсутствие на дискуссии было замечено всеми. Не было оратора, который бы не предъявил драматургам самых серьезных претензий и вопросов. Однако, никто из них не явился и не рассказал, что он думает обо всем происходящем, как себе мыслит дальнейшую работу и театра и свою собственную.